

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Безруков А.Н. Дешифровка и объективация смысловых границ в рассказе Венедикта Ерофеева «У моего окна» //

Филология: научные исследования. 2024. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.10.71855 EDN: AQWSYZ URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71855

Дешифровка и объективация смысловых границ в рассказе Венедикта Ерофеева «У моего окна»

Безруков Андрей Николаевич

ORCID: 0000-0001-7505-3711

кандидат филологических наук

доцент, Уфимский университет науки и технологий (Бирский филиал)

452455, Россия, Республика Башкортостан, г. Бирск, ул. Интернациональная, 120-В

✉ in_text@mail.ru

[Статья из рубрики "Интерпретация"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.10.71855

EDN:

AQWSYZ

Дата направления статьи в редакцию:

01-10-2024

Аннотация: Малая проза Венедикта Ерофеева практически не исследована. Нет серьезных, фундаментальных работ по его эссеистике, рассказам, малым нарративным конструктам. Предметом точечного анализа данной статьи становится небольшой текст Вен. Ерофеева «У моего окна». Стоит отметить, что в собрании сочинений, да и в других сборниках автора он представлен в усеченной форме. Пока не удастся найти полновесный вариант, хотя ряд предпосылок к фундаментальности, монументальности этого произведения есть. Цель работы – выявление смысловых границ рассказа «У моего окна» с возможной объективацией смысловой парадигмы. По ходу научной наррации остановка делается на сюжете рассказа, образной системе текста, смысловой художественной парадигме. В статье также определяется функциональная нагрузка интертекстуальности, так как этот принцип определяет сложный параметрический вариант сложения семантического поля. Итогом работы становится конкретизация основных черт поэтики постмодернизма на примере рассказа Венедикта Ерофеева «У моего окна», а также уточнении базовых магистралей прочтения указанного

произведения. В ходе анализа рассказа основной ориентир был направлен на методологию компаративного толка, а также герменевтическое прочтение данного текста. Набор терминов и понятий, используемый в статье, соотносится с поэтикой постмодернизма, так как проза Венедикта Ерофеева входит в состав текстов первой волны русского постмодернизма. Научная новизна исследования заключается в том, что в критике нет пока должных аналитических наблюдений относительно данного рассказа, нет и определенных оценочных суждений. Следовательно, рецепция текста вполне оправдана, наработка же опыта позволит дополнить общую картину анализа стиля Венедикта Ерофеева. Практический характер работы сводится к тому, что ее результаты могут быть действительно применены в ходе дешифровки основного произведения автора – поэмы «Москва – Петушки». Главным методом правильной оценки рассказа должно стать совмещение магистралей философско-исторического толка и литературно-критического. Синкретический характер восприятия генерализует парадигму смысловых, коннотативных составляющих. Текст раскрывается в явном потенциале сращений формального и содержательного уровней. Рассказ Венедикта Ерофеева «У моего окна» не только наличная знаковая структура, не только незавершенный эстетический объект, но и импульсивный постмодернистский стандарт регенерации смысловой парадигмы.

Ключевые слова:

Венедикт Ерофеев, малая проза, ассоциативный ряд, поэтика текста, рецептивная эстетика, компаративистика, автор, интертекстуальность, читатель, стиль

Одной из знаковых фигур первой волны русского постмодернизма является Венедикт Ерофеев. Его творчество целесообразно сопоставлять с началом формирования так называемой новой литературной эстетики, нового взгляда в формате художественного творчества. Следовательно, тексты Венедикта Ерофеева полновесно укладываются в номинацию поэтики постмодернизма, без какой-либо серьезной и конструктивной критики. Принципы и манера письма автора ориентированы на преодоление чистой реалистической традиции, магистрально выделяется в прозе Вен. Ерофеева тяга к эксперименту, симуляции, буквальной игры в текст, игры с текстом. Языковой слой его прозы благодаря интертекстуальным включениям создает эффект расширения смыслового поля.

Основное произведение, который характеризует манеру, особый почерк Венедикта Ерофеева, это конечно же небезызвестная поэма – «Москва – Петушки», которая была написана в 1969 году. В критической литературе эта книга исследована достаточно хорошо, есть диссертационные проекты, наличен свод научных статей, наблюдений собственно аналитического характера, имеющих отношение к дешифровке указанного текста. Малая проза Венедикта Ерофеева исследована менее объемно, хотя и этой форме посвящен ряд исследовательских работ. Думается, что анализ небольших, не таких фундаментальных текстов указанного автора позволяет фигуру Вен. Ерофеева в круге знаковых имен русского постмодернизма представить объективнее и точнее, ибо следование общим принципам смыслового рассеивания можно наблюдать и у Татьяны Толстой, Виктора Пелевина, Владимира Сорокина, Михаила Елизарова и ряда других. Рецепция эссеистической формы, тяготеющей к рассказу «У моего окна» вполне продуктивна и актуальна, так как точечных исследований посвященных этому произведению в критике нет. Таким образом, новизна данной статьи заключается в объективации смыслов этого произведения, практическая же значимость сводится к

ступенчатой аналитической оценке рассказа. Цель исследования может быть ориентирована на объективацию смысловой парадигмы рассказа «У моего окна» с указанием приемов и принципов, используемых в рамках поэтики.

В начале статьи стоит отметить, что практически все малые жанровые формы Венедикта Ерофеева до читателя доходит в усеченном режиме: это отрывки, не совсем целостные записи, дневниковый вариант, обрывочный нарратив. Сам автор не раз отмечал, что тексты не рождаются сразу полновесными, необходима тщательная, скрупулезная работа по подготовке сочинения. Исключением, думается, может быть только «Москва – Петушки», текст, который Вен. Ерофеев создал достаточно быстро. Однако и в нем много недоработок, но может быть это к лучшему, так как зияние смыслов возможно тогда, когда мерцает и текст, и сюжет [\[1\]](#), и образный ряд, что демонстрирует непринужденное авторское художественное рисование. На наш взгляд, для писателя, причем постмодернистского толка, существенным является расширить границы вымышленной реальности, дать возможность читателю прорисовать объективно видимую перспективу, наметить новый виток коннотаций, смысловых значений, порой, не обозначенных при первом прочтении, при первом знакомстве с текстом. Парадигма толкований произведения в искусстве конца XX века максимально расшатана, раскрыта, представляет собой ризому не до конца видимую, даже при тщательном изучении.

Рассказ «У моего окна» был написан Венедиктом Ерофеевым в годы обучения в Орехово-Зуевском педагогическом институте. Заметим, что этот текст полновесно не завершен, он обрывается цитатой: «Неведомы цели Твои, о Господи; и неисповедимы пути твои» [\[2, с. 201\]](#). Явная стилизация под евангельский текст дает основание предполагать о достаточно серьезном, даже сакральном замысле этого текста. Значительная часть работы утеряна, полновесно и целостно пока восстановить его не представляется возможным. Датировка написания – 18 апреля 1960 года – очевидно, указывает на день завершения сочинения, или попытку конкретизировать время размышлений, что также является дискуссионным. Предположительно рассказ «У моего окна» был начат во время болезни, ибо комментарий редакции [\[2, с. 87\]](#) есть, закончено же произведение к Пасхе, что тоже символично и знаково. Для Венедикта Ерофеева религиозная тема не являлась табуированной, попытки поразмышлять о мире в рамках христианской догматики встречаем в «Москве – Петушках», «Благой вести», «Вальпургиевой ночи, или Шагах Командора». Не буквально, но контрапунктом режиме размышление, обозначение христианского мироустройства, правда, в синкретизме с телесным, языческим, античным находим и в рассказе «У моего окна». Главная цель этого текста, на наш взгляд, в непринужденном обозначении спектра развития общества, может, поэтому рассказ и не завершен, так как история длится далее в намеченном пути, онтологически преодолевая собственно человеческие поступки и действия.

Сюжет рассказа на первый взгляд имеет несколько тривиальный характер, но при медленном воспроизведении наррация все больше напоминает весьма качественно построенный художественный объект, ориентированный на объемное семантическое звучание. Парадоксальность конструкции – в ее гармоничном, выверенном членении на части. Это музыкальные отсылки:

1. Allegro moderato.
2. Andante comodavente.
3. Скрецо.

4. Финал.

Венедикт Ерофеев как мастер художественной формы регулирует таким образом темп чтения, ибо нарастание и интенсив при этом явно заметны. Усиление эмоционального тона отчасти роднит этот рассказ и с лирическим конструктом. Эксперименты в формате поэзии у Вен. Ерофеева были, причем они неплохи, целыны. «Антология поэтов общежития РЕМСТРОЙТРЕСТА» [\[2, с. 5-15\]](#) подтверждает данное наблюдение. Смысловой спектр закладывается в сильных позициях текста: это заголовок, начало и финал произведения. Заглавие изучаемого конструкта имело вариант – «У моего стекла», но окончательно автор его изменил. Можно предположить, что «У моего окна» концептуальнее, сложнее. «Окно» обрамляет всю художественную картину, которую видит главный герой (он созерцатель внешнего сюжета), а далее и читатель, «стекло» же является лишь материалом, не имеющим базовой эстетической основы.

Венедикт Ерофеев внимателен к каждой детали текста, перфекционизм так или иначе, достигается в высшей степени. Но стоит сказать, что рассказ окончательно не завершен, хотя должная драматургическая интрига определенно намечена. Схема эмоциональных колебаний в рассказе «У моего окна» по авторской установке, если дифференцировать текст на части, сюжетные изводы, следующая:

1. - умеренно скоро, умеренно весело;
2. - спокойно, не спеша (комфортно);
3. - живой, стремительный темп / шутка;
4. - драматизм, торжественность, монументальность.

В этих пределах выстраивается сюжетный план, основой событийный состав. Начало рассказа манифестирует: «Я очень редко гляжу на небо, я не люблю небо. Если уж я на него взглянул ненароком, так это верный признак того, что меня обдала очередная волна ипохондрии» [\[2, с. 16\]](#). Герой текста нарочито показывает свою непричастность к внешнему миру, то есть только созерцание становится вариантом постижения миропорядка: «в моем славном тупике погашен свет, и, обозревая из темноты все небесные сферы поочередно, я предаюсь «метафизическим мышлениям» [\[2, с. 16\]](#). Определенная философская направленность [\[3, 4\]](#) практически всегда была присуща текстам Вен. Ерофеева, малые формы не являются исключением. «У моего окна» как художественный объект тяготеет к деконструкции личностного начала, это является объективной данностью. Парадигма смыслов при этом увеличивается, так как внешний уровень соизмеряется с внутренним, внутренне начало дополняет трансцендентальным. У Вен. Ерофеева даже в записных книжках метафизически верно прописано: «Вот, что входит в список моих функций: видеть, ненавидеть, дышать, держать и гнать» [\[5, с. 159\]](#). Собственно этим и занят герой рассказа «У моего окна».

Не исключается в манере письма Венедикта Ерофеева использование приема иронии. Ирония выступает как вариант усиления постмодернистской поэтики и верифицируется следующим тезисом, так или иначе, предваряющим художественный нарратив: «нравственность моя до скотства безупречна» [\[2, с. 16\]](#). Основной сценой сюжета в данном рассказе становится «встреча-свидание» двух сторонних персонажей, за которыми и наблюдает заглавный субъект повествования, он же основной герой, он же – посредник, он же автор, формирующий оценочный фон действий. Представляя образный ряд созерцателем действия, читаем: «один из них – судя по всему – сержант. Другая

повёрнута ко мне тылом, но, насколько позволяют угадывать очертания, принадлежит к факультету агро-биологическому» [2, с. 16]. Лексический расклад при описании встречи автором, конечно же, прописан весьма фактурно, стилистически тонко и эмоционально. Здесь и «лобзания», и «тесные связи», и «нервное беспокойство», и «туманная даль». Вариант романтического характера определяет жанровую контаминацию, при этом не исключено личное начало с разверткой художественных типов. Для литературы обобщение, пожалуй, наиболее важная черта. Видим это в текстах И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, М.А. Шолохова, Л.М. Леонова, А.И. Солженицына, В.М. Шукшина. Не исключается подобный принцип и в постмодернизме, хотя направление явно тяготеет к симулятивным крайностям, периферии, изображению отчужденно-неизвестного типа героя.

Игровое начало рассказа «У моего окна» определяет некую динамику действий и наблюдателя, и непосредственно участников видимого свидания. Для большего интенсификации повествования комбинаторика двух крайних оценочных ситуаций дается полярно: «издавна различались два аспекта нашего существования – сентиментальный и практический» [2, с. 17]. Автор дистанцирует эти события, они для него не могут быть совмещены в единое целое. Отметим, что художественный замысел [6] предполагает конструктивный формат рецепции. Расшифровка смысловой парадигмы, вероятно, должна быть вариативна. Так и определяет текст: «первый включает в себя хризантемы, жюрфиксы, грёзы, лобзания...» [2, с. 17], «объем второго, напротив, почти исчерпывается автобазами, санпропускниками, проходным налогом, ливерной колбасой...» [2, с. 17]. В рассказе «У моего окна» смена поступков и действий, органично объединяется автором в естественную жизнь, которая при условии художественного воплощения «в целом может быть рассмотрена как некоторый сложный поступок» [7, с. 8]. Генерализация условий и оценок при этом направлена на расширение смыслового поля, в данном случае семантическое звено изотопически неровно.

Дискурсивная практика Венедикта Ерофеева на примере рассказа «У моего окна» предполагает явную многозначность, в данном случае не только ситуация-текст, это еще и событие-перспектива, так как «бивалентность присуща лишь дискурсу, имеющему место в так называемых «архаических» обществах, диффузное мифическое... ежемоментно наполняет нашу повседневную социальную коммуникацию» [8, с. 139]. Думается, что с этим стоит согласиться, ибо художественная основа постмодернизма концептуальна; связность пределов в некий контрапункт оправдана и целесообразна: «концепт расстановки и одиночку не способен обосновать ничего, как и любой другой концепт» [9, с. 96]. На наш взгляд, комплекс ориентиров в рассказе многовариантен, при этом внешние реалии не исключают и внутренние, то есть допускают имманентную предпосылку. Текстовая плоскость работает в ритме живой органики, продуцирования смысловых коннотаций, ибо «текст, который ничего не выражает, незначащ» [9, с. 41].

Компиляция сюжета данного рассказа в принципе не сводится к чистой номинации событий. Для автора важно подчеркнуть пролонгацию действий, или перспективу рецепций. Считаем, что вектор умолчания в этом тексте объемлен и данный факт обоснован. Языково это манифестировано в моделях типа: «врожденное отвращение», «жизнь претит моей природе», «Господь остроумен», «насильственный образ», «эротическая истома» и т.д. Расширительный фон смыслов при этом поддерживается неконкретикой жанра, стоит отметить, что для постмодернизма это тоже характерно. Жанровая «модуляция» [10, с. 164] является необходимой составляющей поиска, это было

присуще и для античных авторов, и для поэтов Возрождения, не исключено подобное в XX веке, как в Европе (Габриель Гарсиа Маркес, Франц Кафка, Хорсе Луи Борхес, Хулио Кортасар, Альбер Камю, Джеймс Джойс, Герман Гессе, Джордж Оруэлл), так и России (Владимир Маяковский, Николай Гумилев, Анна Ахматова, Игорь Северянин, Велимир Хлебников, Борис Пастернак, Михаил Зощенко, Юрий Олеша, Андрей Платонов, Михаил Булгаков).

На наш взгляд, текст «У моего окна» можно рассматривать и в рамках традиции классического рассказ, но повествовательный ритм при этом явно меняется, с ходом наррации нарастает и эмоциональный накал. Ассоциативный блок смещается и к античной драме, и пасторали, и к средневековой романтической версии, отчасти и к реализму в чистом виде – назидательная новелла, поучительный анекдот. Венедикт Ерофеев не сжимает канонику текста, безусловно, повествование расширено, усложнено. Собственно это и привлекает читателя. Граница смысловых переделов даже такого небольшого текста не сводятся к номинации чего-то буквального и простого. Поле смысла расширено в сегменте общей связности с античной литературой, текстами XIX века, произведениями XX столетия. Реализованный диалог смежных типов повествования в рассказе Венедикта Ерофеева дает основание предполагать, что конструкт не так прост для полновесной рецепции одномоментно, полного объяснения смысловой значимости явно не произойдет. Синкретизм звуковой формации, лексической номинации, сюжетики, не такой буквальной раскладки ролей в рамках образов говорит о параметрическом прочтении данного текста. Рассказ «У моего окна» есть своего рода экспериментальная проза, которая находится на пределе колебаний натурализма (этот ценз автором прописан достоверно и точно) и постмодернизма (тяга к симуляции, пастишу, игре, тенденции к умолчанию).

Художественный конструкт «У моего окна» имеет приметы рамочной формы. Текстовое рассказывание трансформируется в объективный взгляд на происходящее, на видимую историю. Но: «история не самоценна, у нее нет и не может быть никакой общественной цели. Ее цель глубоко персональна и состоит в том, чтобы дать нам выразиться. Роль истории в определенном смысле сравнима с ролью рамы. А портрет создаем мы сами» [11, с. 191]. Это и происходит в рамках рассказа Венедикта Ерофеева. И герой, и герои этого текста не велики, в них нет определенной значимости, нет и конкретной данности. Они переживают события, так как им хочется, так как им удобно. Ассоциативные ряды в данном случае размыты, интертекстуальная парадигма векторна, даже парцеллированный вариант схемы событий и тот возвращает в условное прошлое. Автор-рассказчик отмечает: «Жизнь моя претит моей природе. И если уж лирическая её сторона привлекает меня больше других, то потому только, что содержит в себе больший элемент комизма» [2, с. 17].

Накал страстей героев, кульминационный предел рассказа соотносится с «пощечиной», которая определяет трагический исход: «Не знаю, кто был автором этой пощечины, по-видимому, сержант, потому что в данный момент он удалялся от крохи с видимым наслаждением...» [2, с. 17]. Отсылкой к одной из смысловых граней становится упоминание т.н. «распятой красоты», ибо «она брела в направлении моего тупика» [2, с. 17]. Интертекстуальный фон в ряде мест доводится до некоего абсолюта цитации прямого порядка: «всё прогрессивное человечество, что в отношении к каждому из них ... она придерживалась принципа «От каждого по его способности, каждому по его потребности» [2, с. 18]. Отсылка к работе Карла Маркса дается не столько в идеологическом плане, сколько в морально-общественном. Версия художественного

обобщения встречи, романтического свидания в тексте «У моего окна» определенно неоднозначна. Тут и «трагедия», и «натуральность», и «нравственный план», и «религиозный экстаз». Базовый нарратив в принципе завершается выходом на авансцену улицы героя, за которым и наблюдает автор: «Отверзлись парадные врата – и общежитие ОЗПИ изрыгнуло из себя отрока, которому суждено было стать новой – и центрифугой моего лирического повествования» [\[2, с. 18\]](#). Далее в части «ANDANTE» уже будут рассуждения автора о «пользе алкоголя». При этом риторика провокационных номинаций выдержана в стилистике Вен. Ерофеева. Например, «о пользе алкоголя можно говорить бесконечно», или «трезвый человек настолько беден духовно», «алкоголь удваивает силу», или «в состоянии опьянения ... человек ведет себя натурально», или «этиловый спирт заменил собой ... христианского Бога» и т.д. И это вполне оправдано, так как буквальный эстетический кадр направлен все же не на действительность как таковую, но на потенциального читателя, заинтересованного в вероятностном расширении парадигмы коннотаций. Не мешает в данном случае ориентир на настоящее, он приобщает к цельности и полновесности; природа постмодернистского текста онтологически нелинейна, чтение, следовательно, тоже должно быть разнонаправленным.

Рассказ «У моего окна» незавершен, сюжетный пласт додумывается читателем, что необычайно интересно, ибо факт сотворчества в художественной словесности необходим. Причем примеров неоконченных текстов в литературе достаточно много: это «Египетские ночи» А.С. Пушкина, «Живой труп» Л.Н. Толстого, «Кентерберийские рассказы» Джеффри Чосера, «Ночи на вилле» Н.В. Гоголя, «Штосс» М.Ю. Лермонтова. В случае с Венедиктом Ерофеевым «текст утерян» [\[2, с. 20\]](#); можно предположить, что замысел все же был полновесно развернут у автора, например, в режиме любовной интриги «Дафниса и Хлои» Лонга: «юный Дафнис уже вплотную приблизился к ней и приветствовал её сентиментальной развязностью» [\[2, с. 20\]](#) или иного классического текста. Для Вен. Ерофеева смешение разных стилистических пластов, соединение разных жанров, разных сюжетных изводов было характерно, собственно, этим и определяет новая поэтика, поэтика постмодернизма.

Таким образом, смысловые границы рассказа «У моего окна» расширяются за счет особого строения сюжета, открытыми и скрытыми ссылками к предтекстам, прямым диалогом с классикой в режиме интертекстуальности, а также эксперимента на уровне всего художественного целого. Финальная цитата поддерживает приметы недосказанности: «Неведомы цели Твои, о Господи; и неисповедимы пути твои» [\[2, с. 20\]](#). Однако поиск истины продолжается как для автора, так и для читателя. Момент описания в данном случае нивелируется, хотя он становится исходным импульсом, ибо основные пределы коннотаций направлены на имманентный поиск онтологической правды жизни. Версия оценки бытия Венедиктом Ерофеевым необычайно проста, но эмоционально правильна: «Господь остроумен. Он сделал так, чтобы уход из жизни доставлял человеку максимальную физическую боль, а зачатие новой жизни – наибольшее из всех телесных наслаждений» [\[2, с. 17\]](#). Но не может исключить писатель иронии, в частности и над самим собой: «таким насильственным образом он проявляет свою заботу о продлении человеческого рода...» [\[2, с. 17\]](#). Главным методом правильной оценки этого рассказа должно стать совмещение магистралей философско-исторического толка и литературно-критического. Синкретический характер восприятия генерализует парадигму смысловых, коннотативных составляющих. Текст раскрывается в явном потенциале сращений формального и содержательного уровней. Рассказ Венедикта Ерофеева «У моего окна» не только наличная знаковая структура, не только незавершенный

эстетический объект, но и импульсивный постмодернистский стандарт регенерации смысловой парадигмы.

Библиография

1. Силантьев И.В. Сюжет и смысл. М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2018. 144 с.
2. Ерофеев В.В. Малая проза. М.: Захаров, 2005. 96 с.
3. Безруков А.Н. Венедикт Ерофеев: между метафизикой и литературной правкой. 2-е издание, дополненное. СПб.: Гиперион, 2023. 230 с.
4. Безруков А.Н. Лирический палимпсест Венедикта Ерофеева // Слово. Текст. Контекст. 2023. № 3(15). С. 94-105. DOI: 10.26105/PBSSPU.2023.15.3.001
5. Ерофеев В.В. Записные книжки. Книга вторая. М.: Захаров, 2007. 480 с.
6. Лотман Ю.М. Избранные статьи в 3-х томах. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. 479 с.
7. Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7-ми томах. Т.1. Философская эстетика 1920-х годов. М.: Русское слово, 2003. 955 с.
8. Греймас А.-Ж. Структурная семантика. Поиск метода / Пер. с фр. Л. Зиминной. М.: Академический Проект, 2004. 367 с.
9. Деррида Ж. Позиции / Пер. с фр. В.В. Бибихина. М.: Академический Проект, 2007. 160 с.
10. Шеффер Ж.-М. Что такое литературный жанр? / Пер. с фр. С.Н. Зенкина. М.: Едиториал УРСС, 2010. 192 с.
11. Водолазкин Е.Г. Дом и остров, или Инструмент языка: [эссе]. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. 384 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию смысловых границ в рассказе Венедикта Ерофеева «У моего окна». Как верно отмечено в статье, «творчество Венедикта Ерофеева целесообразно сопоставлять с началом формирования так называемой новой литературной эстетики, нового взгляда в формате художественного творчества... Принципы и манера письма автора ориентированы на преодоление чистой реалистической традиции, магистрально выделяется в прозе Вен. Ерофеева тяга к эксперименту, симуляции, буквальной игры в текст, игры с текстом. Языковой слой его прозы благодаря интертекстуальным включениям создает эффект расширения смыслового поля». Это объясняет интерес исследователей к творчеству этой «знаковой фигуры первой волны русского постмодернизма». Если основное произведение писателя [«Москва – Петушки»] исследовано достаточно детально: «есть диссертационные проекты, наличен свод научных статей, наблюдений собственно аналитического характера, имеющих отношение к дешифровке указанного текста», то малая проза, по наблюдениям автора(ов), изучена «менее объемно, хотя и этой форме посвящен ряд исследовательских работ».

Теоретической основой представленной работы обоснованно выступили фундаментальные труды таких отечественных и зарубежных ученых, как Ю. М. Лотман, М. М. Бахтин, Альгирдас Жюльен Греймас, Жак Деррида, Жан-Мари Шеффер и др. Методологическую базу исследования составил комплексный подход, содержащий общенаучные методы синтеза и анализа, в силу специфики предмета, объекта и цели

исследования, которая «ориентирована на объективацию смысловой парадигмы рассказа «У моего окна» с указанием приемов и принципов, используемых в рамках поэтики».

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) прийти к выводу о том, что «смысловые границы рассказа «У моего окна» расширяются за счет особого строения сюжета, открытыми и скрытыми ссылками к предтекстам, прямым диалогом с классикой в режиме интертекстуальности, а также эксперимента на уровне всего художественного целого». Отмечается, что «главным методом правильной оценки этого рассказа должно стать совмещение магистралей философско-исторического толка и литературно-критического. Синкретический характер восприятия генерализует парадигму смысловых, коннотативных составляющих».

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую полноценному восприятию материала. Стиль изложения материала соответствует требованиям научного описания и характеризуется оригинальностью и логичностью, доступностью и высокой культурой речи.

Библиография исследования состоит из 11 источников, в том числе иностранных. В библиографическом списке присутствуют работы, посвященные вопросам семиотики и типологии культуры, структурной семантике, сюжету и смыслу, а также творчеству Венедикта Ерофеева. Однако автор(ы) практически не апеллируют к научным работам последних лет (лишь два источника изданы в последние 3 года). Конечно, данное замечание не умаляет значимости проделанной работы, однако в данном случае достаточно сложно судить о реальной степени изученности данной проблемы.

Теоретическая и практическая значимость исследования обусловлена его вкладом в решение современных языковедческих проблем, связанных с дешифровкой и объективацией смысловых границ в малой прозе Венедикта Ерофеева: «практическая значимость сводится к ступенчатой аналитической оценке рассказа».

Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования» в оригинальном виде.